

Жизнь измеряется потерями

*Ахат
Мушинский*

* * *

Не променяю никогда
рубаху белую на чёрную.
Топлю за Волгою в садах
я баньку новоиспечённую.

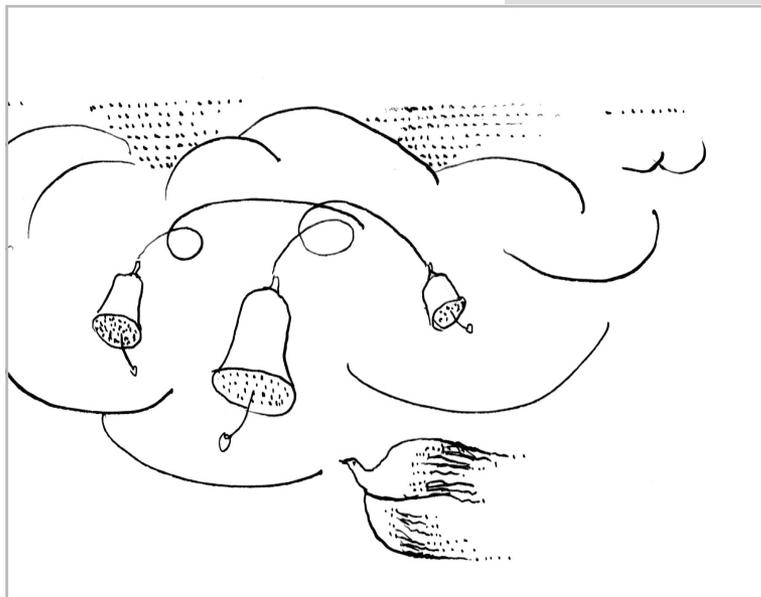
Я в смысле том – совсем нова...
Ещё душисты стены липовые.
Над крышей домика
листва
и дым Отечества
истовые.

Я парень чисто городской,
да и сады-то просто дачные.
Махнул весёлой
кочергой
у печки
неудачно я.

И на рубашечку зола
легла строкою жжёною.
На грудь прикрытую легла,
но не на душу обнажённую.

Замочет волжская вода
судьбы моей строку никчёмную.
Не променяю никогда
рубаху белую на чёрную.

Не променяю никогда
рубаху белую на чёрную.
Я жду за Волгою в садах
тебя, судьбою наречённую.

Молочных яблонь дуновением
 вся в белом ты придёшь ко мне.
 Я на крылатом вновь коне,
 моя любовь и вдохновение!

Подольше же со мной побудь.
 С тобою чище, выше, твёрже я.
 С тобою вольно дышит грудь
 и жизнь живу, совсем не ёрзая.

С тобой поступки и слова
 мои совсем, поверь, не липовые.
 Над крышей домика листва
 и дым Отечества
 истовые.

За Волгою в моих садах
 походку слышу я несмелую.
 Не променяю никогда
 на чёрную
 рубаху белую.

Ахат Мушинский
 (1951) родился в
 Казани.
 Окончил Казанский
 государственный
 университет.
 Больше известен как
 прозаик и публицист.
 Лауреат
 литературной премии
 им. Г. Державина
 и Национальной
 детской
 литературной премии
 России «Заветная
 мечта».
 Исполнительный
 директор
 ТатПЕН-центра,
 гл. редактор «КА»

Как быстро белый снег растаял!
Апрель – могильщику сродни.
Быстрее, чем календарь листаю,
летят-летят куда-то дни.

Вот первый снег и первый след
на краешке большого поля.
И впереди – простор и воля,
и тёмных мыслей в сердце нет.
И выше помыслы, и чище
твоя душа, когда одет.
Тепла зимою люди ищут
не только лишь для бранных тел.
Зимою жарче топят бани,
и меньше мучает гастрит.
Зима, как яблочко, румянит,
как молодильное, бодрит.
Зимою снег как дар нам свыше
ниспослан белизной покрыть
не только мусор, грязь и крыши,
но прежде души обелить.
И нет добра ценнее снега,
и копит-копит снег зима.
А тот летит беспечно с неба
на шубы, шапки и дома.
Скрипят брильянты под ногами,
и дворник их в сугроб кладёт.
А я наперевес с долгами...
Валюта эта не пойдёт,
мой кредитор, чтоб расплатиться?
Своё уж поле я прошёл.
Весна капелями стучится,
уж солнце греет хорошо,
и юный март, как экстремист,
среди бела дня сугробы мочит.
Я от рожденья пессимист
и консерватор, и не хочет
под сердцем сгусток
перемен.

Любая перемена – тлен
чего-то перед новым чем-то.
Как осень похоронит лето,
так март с апрелем кончат зиму.
Летят автомобили мимо,
разбрасывая по сторонам
сырую кашу – то, что нам
вчера казалось жемчугами,
сребром, фарфором, хрусталями...
Как революция, весна,
она иллюзиями красна.
Как будто слаще редьки хрен,
и что-то вечно под луною.
Не уходи, побудь со мною –
по тексту
жизни мой рефрен.

Как быстро всё-таки растаял
на вид неистощимый снег!
Ему, конечно, понимаю,
зимой грядущей места нет,
как места в нынешнем дворе
нет прошлогоднему добру.

Юкке Маллинену

64

Никогда ни о чём не жалеи.
Не оглядывайся –
также совет.
Топай жизнью своей веселей,
новым встречным горячий привет!

То, что было,
то, значит, прошло –
перед будущим волен и чист.
Не приклеишь весенней смолой
к ветке
павший по осени лист.

Хватит быть нам самими собой,
заскорузлую шкуру –
к чертям!
Поиграем
с банальной судьбой –
не породы слепых мы котят.

Это просто,
поверь мне, мой друг,
это славно,
любимых любя,
заступить
за очерченный круг,
взять и выпрыгнуть
вдруг из себя.

И не надо
решительных слов –
посох крепок,
котомка легка.
У распахнутого
беловика
еще пару
осталось листов.

И. Г.

То, что было, то, значит, есть,
и ничто в никуда не ушло.
Хоть и сделала ручкой...
Бог весть –
краха нашего
не произошло.

Настоящего
память сильней,
камнем
прошлого не перешибёшь.
Из далеких, безоблачных дней
в ночь ко мне ты упрямо идёшь.
Открываешь послушную дверь
и в бессонницуходишь мою.
Бестелесную так же, поверь,
как и прежде, безумно люблю.
Как и прежде, за окнами дождь,
иль капель, или снег января...
Я, как прежде, навеки твой вождь,
ну, а ты –
Нефертити моя.
И на ушко безумства шепчу,
и ты веришь, и верю я сам.
Прерываешь испуганно: чу!
кто стучится в окошечко к нам?
Это бьется о стекла сирень
и не бойся, когда я с тобой.
Только жизнь моя вся набекрень –
не сберег ворожкой и мольбой...
Ты ушла без оглядки.
И что?
Из реальности вышла...
Бог весть –
ничего не уходит в ничто,
то, что было, то, значит, есть.

Как лепестками цветы,
часами дни осыпаются;
звезда с звездой низвергаются
с, казалось, вечной высоты.
Казалось, вечно шелестеть
берёзам в парке разговорами,
с которыми и нам иметь
хотелось общее. Но спорами,
но ссорами и глухонемой,
как норами с тобой отдельными,
обзавелись. Людьми-то дельными
мы слыли. Но брак литой,
скреплённый там, на небесах,
здесь, на земле, банально точится –
за каплей капля. Как не хочется
остаться в круглых дураках!
За каплей капля...
За метром метр
дорога наша расширяется.
Хрусталь, сказал, мой друг и мэтр,
разбившись, больше не срастается.
В любви вечен диалог,
всё остальное временно.
Ту нить словесную не смог
я удержать. Беременно
сознание твоё совсем другим,
чужим посевом, не моим...
И нынче мы противоположными
гонимы ветрами.
Возможно ли
в неполные семнадцать лет,
в капель безудержно-весеннюю
узреть распутицу
осеннюю
и тлен, и иней мёртвый? Нет,
конечно, нет. Была весна,
был май. Два мироздания
уроки пылкого познания
взаимно брали. Чья вина –
пришло прозрение, и с ним
действительность холодная,
змея как будто подколотная,
в наш дом вползла. Засим

кончаются мои слова.
Обратно книга не листается.
Годами ль век наш осыпается?
Летит, летит с берёз листва
в осеннем парке за окном.
Жизнь измеряется потерями,
подобно как зима метелями
и стужею...

Здравствуй, мое одиночество!
Двери открыты, входи.
Хочется или не хочется –
в доме я нынче один.

К встрече с тобою готовился,
точно с женою второй.
Вот наконец-то сподобился...
Что же не пир-то горой?

Был я открыт для общения –
кругом плыла голова!
Нынче закон возмещения
жёстко качает права.

Глянь, компанейская аура
тянется в форточку прочь.
Зелье от Шопенгауэра
больше не в силах помочь.

Торо – певец одиночества,
тоже на полках далёк.
Были эффектны пророчества:
счастлив, мол, кто одинок.

Счастлив ли? Редкими охами –
стужа там где-то в трубе.
Тихо за зимними окнами,
тихо у печки в избе.

Ходики двигают времечко...
Я тут и этот вот дом,
точно с подсолнуха семечко
в чьём-то кармане чужом.

Делит природа и властвует.
Временно соединены
гроздьями, группами, кастами
все вокруг. И не нужны

вместе, тем более парами,
миру мы тысячу лет.
Мир прагматичен. Недаром ли
вечной любви в жизни нет.

Сладок был хмель заблуждения...
Горько похмелье любви.
В час пустоты и забвения
губы, дружок, не криви.

С гостем незванным по маленькой
выпей-ка на брудершафт,
вставь ноги в чёрные валенки,
да и – на белый ландшафт!

Зимушка выдалась добрая –
снегу до крыш намело.
Чищу дорожку-путь бодро я.
Ах, как вокруг всё бело!

Вот оно где вдохновение!
Лихо лопатой машу,
словно стихотворение
пылкое сердцем пишу.

Снова под шапкою смелые
заворошились мечты.
Ждут меня белые-белые
писчей бумаги листы.

Я никого не виню
и не шучу, не юродствую:
жизнь свою ныне сиротскую
выше всей прежней ценю.

Здравствуй, мое одиночество!
Ты есть свобода и творчество,
дым над трубою столбом
и весь в сугробах мой дом.

Колыбельная

Дочери Ли

70

Белый цветочек ты мой полевой!
Тонок и хрупок
ещё стебелёк.
Крылышки листьев
над майской травой
днём так трепещут –
хоть с песней в полёт.

Чистое небо –
лететь и лететь!
Снежные кудри –
мечтать и мечтать!
Будут и громы,
конечно, греметь,
будут и молнии
страшно сверкать.

Но эти бяки
ещё ведь когда!..
Жить в лучах солнца
года и года.
Спи, моя слабость
и торжество,
спи, моя дочка
и божество.

Это не яблоки тукают оземь,
это не кадмий листвы – о стекло,
это не в августе пришлая осень
шепчет надменно, что лето прошло.

То моё сердце в ночи барабанит,
бьётся затравленно в клетке груди,
то в голове, как в общественной бане,
гулкое эхо протяжно гудит.

Голая память лобзает подкорку.
Три часа полночь, два – до утра.
В Займище дачном в слепую коморку
сходятся все, кому рад и не рад.

О, эти юные, старые песни!
О, та прямая, как лезвие, речь!
Не удаётся, о, други, хоть тресни,
лапу сирени живую сберечь.

Други и недруги, что мы делили?
Сами осыпались... Вот и весь джаз!
Всё-таки больше себя мы любили,
значит, не очень любили и нас.

Темь беспросветная дарит прозренье,
тишь пробивает броню глухоты.
С каждым прозреньем светает позднее,
власть продлевая больной маеты.

Ветрено, сыро, шестого начало,
блёклый меж яблонь забрезжил рассвет.
Ох, как это, поверьте, немало
хмурому утру ответить: «Привет!»